

© 2023

Галина Анисимова

кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Института экономики Российской академии наук
(г. Москва, Российская Федерация)
(e-mail: anisimovagalina@bk.ru)

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПАТЕРНАЛИЗМ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НЕРАВЕНСТВО: ПРАКТИКА СССР И СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ

В статье показана значимая роль государства в регулировании уровня социально-экономического неравенства. Проведено сравнение масштабов государственного регулирования в советский и постсоветский периоды. В советский период государство целенаправленно осуществляло уменьшение дифференциации оплаты труда, что привело к уравниловке и снижению производительности труда. В постсоветский период государство практически отстранилось от решения проблемы экономического неравенства. Сформировалась устойчивая тенденция роста подоходной дифференциации населения, сопровождающаяся снижением темпов экономического роста.

Ключевые слова: государственный патернализм, государственное регулирование, социально-экономическое неравенство, уровень доходов.

DOI: 10.31857/S020736760029162-7

Известно, что современное государство уже глубоко вторглось в экономику и его можно рассматривать не только как политическую форму самоорганизации общества, но и как экономический механизм этой самоорганизации. Это определяется, прежде всего, ростом объема его экономической деятельности. О возрастании роли государства в регулировании экономических процессов пишут многие российские и зарубежные исследователи [4]. Современное государство является важнейшим агентом экономических отношений.

Весьма значима роль государства и в решении социальных проблем, важнейшей из которых является социально-экономическое неравенство. Проблема неравенства сегодня заняла одно из центральных мест во многих социальных и экономических науках. Рост социально-экономического неравенства, происходящий в последние десятилетия как в отдельных странах, так и в глобальном масштабе, и проблемы определения его пределов сегодня привлекают все большее внимание исследователей. Социальный конфликт как основной конфликт в распределении общественного продукта стал важнейшим предметом изучения современной политической экономии. Т. Пикетти в переведенной на русский язык книге «Капитал в XXI веке» отмечает: «В начале двадцать первого столетия некоторые виды имущественного неравенства, которые казались преодоленными, вновь возвращаются к историческим пикам и даже превосходят их в рамках новой мир-экономики, дающей стремительные

надежды (конец бедности) и приводящей к не менее масштабным дисбалансам (некоторые люди богаче целых стран)» [14. С. 469].

Однако либеральные экономисты полагают, что государственное регулирование нарушает спонтанное развитие, ограничивает индивидуальную свободу и в конце концов подрывает устои современного общества. Как пишет один из представителей либеральной школы, методологический индивидуализм «исходит из представления об отдельных людях как о завершенных социальных единицах и рассматривает институты как непреднамеренный результат действий людей, стремящихся решать свои проблемы в условиях ограниченности знания» [9. С. 129]. Т.е. институты должны возникать как стихийная (или спонтанная) форма объединения людей. К чему это приводит в современном мире будет показано в настоящей статье.

Масштабы государственного регулирования на разных исторических этапах существования нашей страны были различными. Для советского периода было характерно всеобъемлющее государственное регулирование, которое затрагивало все сферы жизнедеятельности общества (жесткий государственный патернализм). Но и в тот период существовало социально-экономическое неравенство. Однако согласно официальной идеологии советское общество считалось социально однородным. Поэтому в научных исследованиях проблемы неравенства, как правило, не затрагивались. Так, например, М.Н. Руткевич в 1982 г. писал: «Возрастание социальной однородности общества означает его продвижение ко все более полному социальному равенству, поскольку происходит выравнивание социальных групп и входящих в них индивидов по их положению в системе общественных отношений» [18. С. 11–12].

Писать о неоднородности, а тем более о неравенстве в то время осмеливались немногие. Среди них видное место занимает известный политэконом Я.А. Кронрод. Трактую отношения собственности—распоряжения как исходные, как отношения по монопольному распоряжению средствами производства, Я.А. Кронрод полагал, что здесь существует лишь *формальное равенство* участников производства в экономическом процессе, которое реализуется в *фактическом экономическом неравенстве* отношений распределения (отношений присвоение—использование). Экономическое неравенство реализуется в распределении по труду, являясь формой экономически неравного присвоения продуктов труда для различных групп трудящихся. «Распределение лишь *выражает* реальное положение производителей в производстве. И поэтому ежели бы это положение было положением *фактического экономического равенства*, то и само распределение необходимо было бы экономически равным распределением» [6. С. 306].

Исходя из этого, равенство членов социалистического общества по использованию средств производства, а следовательно, и в целом по отношению к собственности, обуславливает лишь частичное фактическое равенство. Так,

Я.А. Кронрод писал: «социалистическая общественная собственность на средства производства означает *формальное равенство* участников производства в экономическом процессе потому, что представляет собой единство отношений присвоения-распоряжения средствами производства, *экономически уже равного* для всех участников производства, и отношений присвоения-использования средств производства, *экономически еще не равного* для различных групп трудящихся» [6. С. 305–306]. Формальный характер равенства в советском обществе обуславливается тем, что общее владение средствами производства, создав экономическое равенство по отношению к ним, т. е. означая новую форму связи между производителями по поводу средств производства на основе всеобщности и равенства труда вместе с тем не обеспечивает еще экономического равенства по фактическому использованию средств производства. Именно поэтому сохраняются различия положения трудящихся в производстве и характере их труда, а следовательно, и социально-экономическое неравенство в советском обществе. По оценкам Я.А. Кронрода, размах дифференциации доходов составлял 1 : 3, 1 : 4 и более раз в потреблении ряда важнейших продуктов питания и непродовольственных благ [7. С. 106–107]. Ценность политэкономических исследований Кронрода состоит в том, что они имели непосредственную связь с народнохозяйственной реальностью.

Научная концепция Я.А. Кронрода полностью противоречила советской официальной идеологии социального равенства (однородности) советских людей. Не случайно она была подвергнута весьма жесткой критике. Против концепции Кронрода выступили многие, например: А.И. Пашков [13], И.И. Кузьминов [10], Н.А. Цаголов [23].

В советский период официальная идеология провозглашала тезис о полном единстве и равенстве членов социалистического общества. До 1988 г. данные о дифференциации в уровне жизни населения, о различиях в материальной обеспеченности советских людей были доступны только узкому кругу специалистов и руководителей высокого ранга. «Те, кто определял политику, ее цели и методы, — писала Л.С. Ржаницына уже в постсоветское время, — исходили из тезиса о безусловном единстве и однородности условий жизни в социалистическом обществе — так легче было управлять народом при командно-административной системе. При такой позиции вскрытие реальных противоречий нашего бытия, разделение людей на обеспеченных и сверхобеспеченных, с одной стороны, и еле сводящих концы с концами — с другой, не поощрялось» [17. С. 112].

В 1990 г. были опубликованы данные официальной статистики о неравенстве в потреблении продуктов питания в семьях с разным уровнем доходов (табл. 1).

Как видно из приведенных данных, потребление продуктов питания в семьях с низкими доходами в 2–3 раза ниже, чем в семьях с высоким уровнем доходов. А если сюда добавить материальные блага, которые распределялись не

через зарплату, а через так называемые общественные фонды потребления, то получим, что советская бюрократия получала много больше, чем простой советский человек.

Таблица 1

Потребление продуктов питания в семьях с различным размером среднедушевого совокупного дохода в 1986 г.

(по материалам обследования семейных бюджетов; на члена семьи в год, килограммов)

Продукты	В семьях со среднедушевым совокупным доходом в месяц, руб.			
	до 75,0	75,1–100,0	100,1–150,0	151,1 и выше
Мясо и морепродукты	32	51	66	86
Молоко и молочные продукты	224	314	363	448
Яйца, шт.	139	211	247	302
Рыба и рыбопродукты	7	12	16	19
Сахар	23	28	31	37
Растительное масло и другие жиры	9	8	7	8
Картофель	71	95	102	119
Овощи и бахчевые	80	89	96	115
Хлебные продукты	146	125	112	120
Фрукты	34	41	48	61

Источник: [19. С. 137].

Периодический учет распределения рабочих и служащих по размерам оплаты труда начался в 1956 г. с введением официального минимума заработной платы (табл. 2).

Таблица 2

Распределение численности рабочих и служащих по размерам заработной платы (в процентах)*

Показатель	Март 1956 г.	Апрель 1968 г.	Март 1972 г.	Апрель 1976 г.	Март 1981 г.	Март 1986 г.
Всего рабочих и служащих, проработавших полностью месяц	100	100	100	100	100	100
из них:						
с начисленной заработной платой (без работников, принятых на неполный рабочий день или неделю, и учеников), руб.						
менее 80	70,3	32,3	23,3	15,0	6,3	4,8
80–100	13,1	21,1	18,3	14,5	13,5	11,2
100,01–120	6,5	14,9	14,5	13,1	12,2	10,2
120,01–140	3,6	10,6	12,0	12,8	12,4	10,9

140,01–160	2,0	7,2	9,4	11,5	11,6	11,3
160,01–200	1,9	7,3	11,8	16,0	19,0	18,2
200,01–250	1,2	3,1	5,5	8,9	12,4	15,1
250,01–300	1,2	1,3	2,1	3,8	5,5	7,6
свыше 300	0,4	1,1	2,0	3,4	6,1	9,5
Коэффициент фондов	3,28	2,88	3,2	3,35	3,12	3,38

*Без учета работников, принятых на неполный рабочий день или неделю, и учеников.

Источник: [22. С. 146].

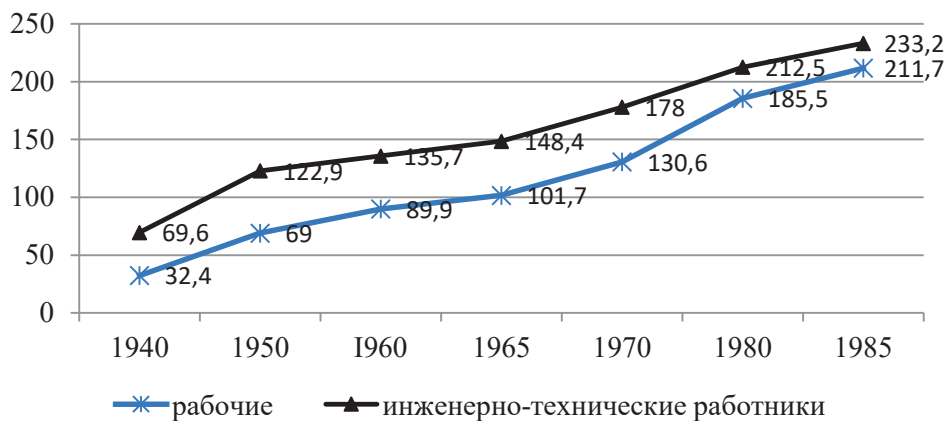
Данные табл. 2 свидетельствуют о стабильном и довольно незначительном расхождении советского общества по уровню доходов. На фоне устойчивой тенденции роста среднемесячной заработной платы (за период с 1950 по 1985 гг. среднемесячная денежная заработная плата работников промышленности возросла с 70,8 до 210,6 руб., т. е. почти на 200%) произошло значительное сокращение численности малооплачиваемых работников. Если в 1956 г. зарработки менее 80 руб. получала основная часть работающего населения, то спустя 30 лет – менее 5%, т. е. численность малообеспеченных работников сократилась почти в 15 раз. Но еще интенсивнее возросла доля высокооплачиваемых работников (в 23 раза). При этом основная масса трудящихся передвинулась в зону средних доходов.

В 1950-е годы началось планомерное уменьшение дифференциации по трем основным направлениям:

- увеличение размеров минимальной заработной платы;
- сокращение разрывов в заработной плате низко- и среднеоплачиваемых по сравнению с высокооплачиваемыми группами рабочих и служащих;
- изменение в распределении численности рабочих и служащих по размерам заработной платы.

Темпы роста заработной платы различных категорий работников были неодинаковы. Более быстрыми темпами возрастала зарплата промышленно-производственных рабочих. Динамика заработной платы ИТР и служащих характеризовалась более низкими темпами роста, что привело к значительному сближению уровней оплаты труда указанных категорий работников.

После Великой Отечественной войны и в 1950-е годы оклад квалифицированного рабочего в промышленности был выше заработка неквалифицированного от 1,3 до 2,8 раза. Высок был престиж и заработок инженера на производстве. Это было время *естественной неидеологизированной дифференциации*, когда заработная плата квалифицированных рабочих и ИТР устанавливалась исходя из общественно-необходимой значимости и сложности их труда. Уже в конце 1950-х годов разрыв между оплатой труда инженеров и служащих, с одной стороны, и рабочих, с другой, последовательно искусственно стал сокращаться. Зарплата ИТР стремительно сближалась с заработком рабочих (рис. 1).

**Рис. 1. Динамика оплаты труда
промышленно-производственного рабочего и инженера.**

Источник: [11. С. 519; 12. С. 397].

Согласно советской официальной идеологии, этот процесс соответствовал основной закономерности развития социализма — преодолению классовых различий. В конце 50-х годов под эти представления подводилась «солидная» теоретическая база. Из небытия вернулась «классовая политика» приоритетной поддержки рабочих.

Если в середине 50-х средняя зарплата ИТР была выше зарплаты рабочего в 1,7 раза, то в 1960 г. — в полтора, в 1970 г. — на треть, а в середине 80-х — в 1,1 раза (рис. 2). С 1986 г. ЦСУ вообще перестало публиковать данные по заработной плате ИТР.

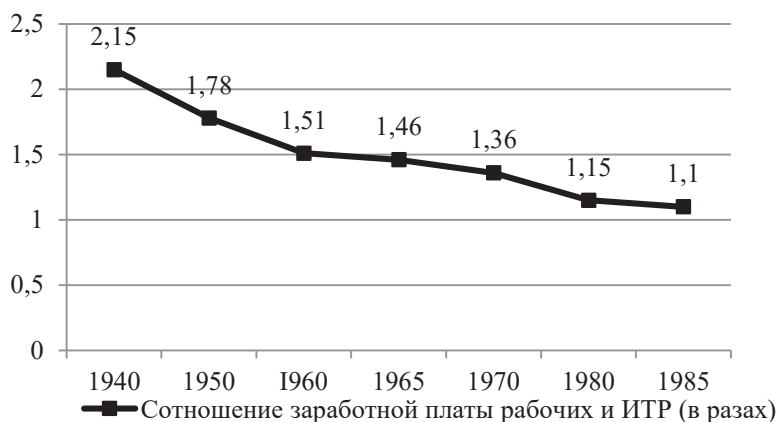

Рис. 2. Динамика соотношения заработной платы рабочих и ИТР в промышленности.

Источник: рассчитано автором по: [11. С. 519; 12. С. 397].

В период 1956–1965 гг. в ходе проведения тарифной реформы были разрабатаны и внедрены новые условия организации оплаты труда, предусматривающие повышение заработной платы низко- и среднеоплачиваемых работников. Вновь вводимые тарифные ставки низшего разряда были повышены на 60–80%. При этом значительно сократились колебания удельного веса тарифа в заработках рабочих по отдельным отраслям промышленности. Если в начале 50-х годов соотношение между ставками крайних разрядов достигало 4 раз, то с введением новых тарифных сеток разрыв сократился до 1,8–2 раз. Уменьшились, как правило, различия между низшими и высшими должностными окладами в новых схемах должностных окладов ИТР и служащих [5. С. 263]. В результате было нарушено справедливое соотношение между мерой труда и мерой его вознаграждения. Возникли серьезные деформации отношения к труду и снижение его производительности, что порождало много серьезных проблем в нормальном развитии экономики.

В 1960-х годах форсированная политика формирования «социально однородного общества» приобрела весьма уродливую форму, которая выражалась в искусственном «подтягивании» низкооплачиваемых слоев к среднему уровню заработной платы. Все это делалось чисто административными методами, без надлежащего экономического обоснования. Искусственно сформированная тенденция к уравниловке в оплате труда явилась одной из важнейших причин краха советской экономики. По мнению Н.Е. Рабкиной, «взлелеянная экономистами» политика сокращения дифференциации заработной платы «под корень подрубила экономические стимулы». Она считает, что до конца 60-х годов экономика была еще «на краю воронки» и можно было еще вырваться из водоворота взаимодействующих частей разлаженного экономического механизма. «Но время было упущено и события вышли из-под контроля» [16. С. 151].

В конце XX в., когда стремительно разрушалась социалистическая система мира, многим гражданам России будущее постсоциалистическое общество виделось справедливым в противовес существовавшей уравнилительной системе. Однако, как показывает практика, прошедшие почти 30 лет преобразований в постсоветской России не создали общества социальной справедливости. Даже наоборот.

В советском далеко не свободном обществе в экономическом смысле было весьма незначительное социально-экономическое расслоение. Децильный коэффициент (который рассчитывался как коэффициент фондов в современной статистике) составлял 3–5 раз, что было равно или даже ниже, чем в скандинавских странах. С 1990-х годов в России появились новые тренды. Экономическая свобода и разгул рынка привели к непомерной поляризации доходов населения и, как следствие, к резкой социальной поляризации общества. Четко выраженной тенденцией, сформировавшейся в постсоветский период, является устойчивая тенденция роста подоходной дифференциации населения.

Необоснованно высокое социально-экономическое неравенство характерно для всех срезов российской экономики, территорий и видов хозяйственной деятельности по уровню доходов, потребления и сбережений населения, распределению собственности, располагаемому экономическому и социальному потенциалу. Если в 1992 г. доходы наиболее обеспеченного населения превышали доходы наименее обеспеченного в 8 раз, то к 2021 г. — уже в 14,8 раз [20. С. 130; 21. С. 134].

Сопоставление динамики основных экономических показателей (ВВП, роста промышленного производства и др.) с динамикой степени социального расслоения российского общества показывает, что между ними не прослеживается четкой взаимосвязи и одинаковой направленности тенденций. Тенденция необоснованного роста неравенства наблюдается как в периоды экономического спада (1991–1998 гг., 2008–2009 гг.), так и на фоне экономического роста. Можно сделать вывод, что в 2011–2013 гг. Россия вошла в полосу усиления чрезмерного неравенства, когда снижение темпов экономического роста сопровождается увеличением степени неравенства. Поэтому неравенство в российском обществе следует рассматривать как избыточное, которое сокращает внутренний потребительский спрос, сопровождается снижением темпов роста сберегательных вкладов и инвестиций (с 2011 г. темпы роста сбережений и ВВП характеризуются минусовыми значениями) и является одним из важнейших факторов, сдерживающих экономический рост [подробнее: 3].

Поляризация доходов населения и социальный разлом общества является наиболее опасным социально-экономическим результатом реформ. Особенно это опасно тем, что в «страну» богатых и очень богатых, а также высокообеспеченных фактически входит политическая элита, которая не хочет знать, как живет большинство населения, как живет «страна» бедняков, доходы и потребление которых часто не достигают даже прожиточного минимума, сформированного на биологическом уровне.

Современные исследователи Д. Аджемоглу и Д. Робинсон, указывающие на первопричину экономического неравенства и деградации общества на примере Египта, делают вывод: «На самом деле Египет беден именно потому, что им управляла узкая прослойка элиты, которая организовала экономику таким образом, чтобы обогащаться в ущерб всему остальному населению» [2. С. 14]. Таким образом, можно заключить, что путь к процветанию общества состоит в преодолении чрезмерного экономического неравенства, к осознанию чего должен прежде всего прийти правящий класс любого общества.

В развитых странах с рыночной экономикой уже в течение длительного времени осуществляется государственное регулирование, направленное на выравнивание материального положения различных доходных групп населения, и такая система признается наиболее важной частью механизма перераспределения доходов (табл. 3).

Таблица 3

**Воздействие социального регулирования на уровень неравенства
в экономически развитых странах**

Страна	Средина 1970-х годов	1985 г.	1990 г.	1995 г.	Начало 2000-х го- дов	Начало 2010-х годов	Начало 2020-х годов
Коэффициент Джини до уплаты налогов и трансфертов							
Великобритания	0,338				0,458		0,456
Германия		0,439	0,429	0,459	0,471	0,494	0,504
Дания		0,373	0,396	0,417	0,416	0,433	0,451
Канада	0,385				0,440	0,436	0,441
Нидерланды	0,426				0,424	0,426	0,426
США	0,406				0,476	0,486	0,486
Франция				0,473	0,490	0,505	0,516
Швеция	0,389		0,408	0,438	0,446	0,432	0,426
Коэффициент Джини после уплаты и трансфертов							
Великобритания	0,268	0,309	0,354	0,336	0,351	0,331	0,345
Германия		0,251	0,256	0,266	0,264	0,287	0,293
Дания		0,221	0,226	0,215	0,227	0,251	0,263
Канада	0,304	0,293	0,287	0,289	0,318	0,317	0,324
Нидерланды	0,263	0,272	0,292	0,297	0,292	0,284	0,294
США	0,316	0,337	0,348	0,361	0,357	0,380	0,378
Франция				0,277	0,287	0,303	0,295
Швеция	0,212	0,198	0,209	0,211	0,243	0,234	0,259

Источник: составлено автором по: [24].

Искусственность формирования в Америке в середине XX столетия «относительно справедливого» общества и естественный характер его разрушения в последние десятилетия убедительно доказал проф. П. Кругман. Его исследования показывают, что «...институты, нормы и политические условия гораздо больше влияют на распределение доходов, а объективные рыночные факторы — гораздо меньше, чем в том нас пытаются уверить в базовом курсе экономикс» [8. С. 14]. По его мнению, ведущую роль здесь играли не перемены в экономике, а политическая воля правительства, осознавшего, что предотвращение социального взрыва возможно только при условии изменения налоговой и социальной политики.

Средний класс в послевоенной Америке был создан на протяжении всего лишь нескольких лет, став результатом политики администрации Ф. Рузвельта. На протяжении первого срока президентства Рузвельта максимальный налог на доходы был повышен с 24 до 63%, в течение второго — до 79%, а к середине

1950-х годов он достиг... 91%. Налог на прибыль корпораций вырос за тот же период с 14 до 45%, а на крупные наследства — с 20 до 77%. В результате доля национального богатства, которая контролировалась богатейшей 0,1% американцев, упала за эти годы вдвое — с 21,5 до менее чем 10% [8. С. 53–54]. Следствием стало так называемое «великое сжатие»: сокращение разрыва в доходах, которое произошло в Соединенных Штатах за период с 1920-х по 1950-е годы, резкое уменьшение разницы между богачами и трудящимися классами, а также сокращение дифференциации зарплаты самих наемных работников. Помимо повышения налогов на богатых граждан повсеместно начала вводиться практика социального страхования. Все это привело к тому, что «в промежуток времени между 1920-ми и 1950-ми годами Америка была страной победившего среднего класса.

Государственное регулирование распределения доходов имеет объективные экономические и политические основания. При этом необходимо соблюдение баланса, т. к. опасны все крайности в распределении доходов. С одной стороны, чрезмерно *низкий* уровень неравенства в распределении доходов негативно сказывается на трудовой мотивации, ослабляет стимулы к активности наиболее предприимчивых и способных членов общества, тем самым подрывает потенциал экономического развития. И в этом случае либеральные экономисты правы: уравниловка тормозит экономическое развитие. С другой стороны, чрезмерно *высокое* неравенство затрудняет обеспечение равных возможностей всем членам общества, ведет к сокращению потребительского спроса и индивидуальных сбережений, обострению социальных проблем, а при определенных условиях может послужить источником социально-политической напряженности и нестабильности. И здесь либеральная концепция терпит полный крах: страны, где имеется высокая степень экономического неравенства — это страны низкого уровня развития, отягощенные коррупцией, преступностью, высокой смертностью и социальной нестабильностью.

Всегда и везде рынок ограничен, регулируем. В противном случае, при господстве только экономической эффективности он может привести к нелепым и просто антигуманным последствиям. В научной литературе об этом писали сотни, если не тысячи, раз. Вот одно из этого рода высказываний: «Идея саморегулирующегося рынка основывается на самой настоящей утопии. Подобный институт не мог бы просуществовать сколько-нибудь долго, не разрушив при этом человеческую и природную субстанцию общества; он бы физически уничтожил человека, а среду его обитания превратил в пустыню» [15. С. 13–14].

В законодательстве демократического общества предусматривается целая система социальных гарантий. Речь идет о праве на отдых, социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, безработицы, при потере кормильца, на воспитание детей, образование, охрану здоровья, участие в культурной жизни,

право на жилье и т. д. Однако следует отметить, что все это появилось в указанных государствах под огромным влиянием того, что происходило в этой области в нашей стране в советский период.

Если говорить о современной России, то официально декларируемая государственная политика, безусловно, имеет социальную направленность. В ст. 7 Конституции определено «Российская Федерация — социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [1]. И в принимаемых российским правительством программах социально-экономического развития социальные приоритеты государственной политики находят свое отражение. Это в первую очередь — снижение уровня бедности населения и экономического неравенства.

Однако в реальности российское государство проводит политику, полностью противоречащую официально декларируемым целям, суть которой — сознательное и последовательное ограничение функций и ответственности государства в сфере формирования условий жизнедеятельности населения. Причина многих социальных проблем в том, что в стране сложилось глубокое неравенство между высшими чиновниками и народом. Высший государственный аппарат создал своего рода механизм, защищающий его от народа. Этот механизм охватывает много разных черт нынешней власти — начиная от равнодушия к бедности, к острым социальным проблемам населения и кончая отсутствием реакции на прямые обращения и требования разных категорий населения страны.

Зачастую принятые законы не соответствуют требованиям современного социального государства, увеличивая имущественные разрывы между отдельными слоями населения и отдельными регионами страны, поддерживая определенные малочисленные группы богатых граждан, сохраняя большую часть населения в бедности и нищете. Существующая экономическая политика вообще не рассматривает проблему снижения неравенства как свою ключевую задачу. Принимаются разрозненные законы и нормативные акты, в которые вносятся бесконечные уточнения, изменения, дополнения — преимущественно либерального характера, ориентированные на сокращение социальных функций государства.

Для стабильного и динамичного экономического роста необходимо, чтобы в центре проводимой государственной политики был человек с его потребностями. Проведение политики регулирования неравенства доходов различных социальных групп будет способствовать не только повышению уровня жизни населения и уменьшению социальной напряженности, но и росту емкости рынка и, соответственно — производства.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 5.9.2023).

2. *Аджемоглу Д., Робинсон Д.* Почему одни страны богатые, а другие бедные. Происхождение власти, процветания и нищеты. М.: Изд-во АСТ. 2016. 760 с.
3. *Анисимова Г.В.* Государственный патернализм: социально-экономическое неравенство и динамика инвестиций // *Общество и экономика*. 2022. № 11. С. 30–39.
4. *Воейков М.И., Городецкий А.Е., Гринберг Р.С.* Экономическая природа государства: новый ракурс: Научный доклад. М.: ИЭ РАН. 2018. 54 с.
5. *Капустин Е.И.* Тарифная система и ее роль в организации и регулировании заработной платы / *Труд и заработная плата в СССР*. М.: Экономика. 1974. С. 247–273.
6. *Кронрод А.Я.* Законы политической экономии социализма. М.: Мысль. 1966. 581 с.
7. *Кронрод Я.А.* Планомерность и механизм действия экономических законов социализма. М.: Наука. 1988. 382 с.
8. *Кругман П.* Кредо либерала. М.: Европа. 2009. 329 с.
9. *Кубедду Р.* Либерализм, тоталитаризм и демократия. Политическая философия австрийской школы. М.; Челябинск: Социум. 2014. 406 с.
10. *Кузьминов И.И.* Очерки политической экономии социализма. М.: Мысль. 1971. 349 с.
11. Народное хозяйство СССР в 1970 году. Статистический ежегодник. М.: Статистика. 1971. 824 с.
12. Народное хозяйство СССР в 1985 году. Статистический ежегодник. М.: Финансы и статистика. 1986. 655 с.
13. *Пашков А.О.* О собственности на средства производства, классах, социальных группах и характере труда при социализме // *Вопросы экономики*. 1971. № 11. С. 93–109.
14. *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. М.: Ад Маргинем Пресс. 2015. 592 с.
15. *Поланьи К.* Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алатейя. 2002. 320 с.
16. *Рабкина Н.Е.* Избранные труды по макроэкономике. М.: ООО «Эребус». 2000. 412 с.
17. *Ржаницына Л.С.* Доходы: уровень, дифференциация, гарантии. М.: Профиздат. 1991. 158 с.
18. *Руткевич М.Н.* Становление социальной однородности. М.: Политиздат. 1982. 334 с.
19. Социальная политика СССР. Стат. Сборник. М.: Финансы и статистика. 1990. 398 с.
20. Социальное положение и уровень жизни населения России. М.: Госкомстат России. 2001. 463 с.
21. Социальное положение и уровень жизни населения России. М.: Росстат. 2021. 373 с.
22. Труд в СССР. Статистический сборник. М.: Финансы и статистика. 1988. 302 с.
23. *Цаголов Н.А.* Вопросы теории производственных отношений социализма. Избранные произведения. М.: изд-во МГУ. 1983. 368 с.
24. Income Distribution and Poverty: by country — Inequality — OECD Stat. URL: // <http://stats.oecd.org/index.aspx?queryid=66670> (дата обращения: 10.10.2023).

Galina Anisimova (e-mail: anisimovagalina@bk.ru)

Ph.D. in Economic, Associated Professor, Leading Researcher,
Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (RAS)
(Moscow, Russian Federation)

STATE PATERNALISM AND ECONOMIC INEQUALITY: THE PRACTICE OF THE USSR AND MODERN REALITIES

The article shows the significant role of the state in regulating the level of socio-economic inequality. The scale of state regulation in the Soviet and post-Soviet periods is compared. During the Soviet period, the state purposefully carried out a reduction in wage differentiation, which led to equalization of earnings and a decrease in labor productivity. In the post-Soviet period, the state practically withdrew from solving the problem of economic inequality. A steady trend of growth in income differentiation of the population has been formed, accompanied by a decrease in economic growth rates.

Keywords: state paternalism, state regulation, socio-economic inequality, income level.

DOI: 10.31857/S020736760029162-7